

РАЗГОВОР
О СОВРЕМЕННОМ
ГЕРОЕ

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ХАРАКТЕР

В последние годы творчество литовского актера Донатаса Баниониса тесно связано с Ленинградом. Здесь, в павильонах «Ленфильма», родилась одна из лучших его работ на экране — образ Ладейникова в ленте «Мертвый сезон». Сейчас Банионис снова стал нашим земляком — он снимается сразу в двух картинах «Ленфильма». Одна из них — «Король Лир», другая, которую ленинградская студия создает совместно с кинематографистами «Дефа», — «Гойя». Поэтому мы решили включить в цикл статей «Разговор о современном герое» материал, рассказывающий о творчестве этого актера.

Донатас БАНИОНИС.
Рисунок ленинградского художника
М. Девятова

ЧЕЛОВЕК углублен в книги, в искусство, в философию. Его именем творятся неправые дела. Он ничего этого как будто не замечает. То есть видит, не может не видеть, но слишком далек от того, чтобы предпринять какое-то активное действие. У него свой мир, и мир этот, красивый и безоблачный, непохож на то, что творится вокруг. Так сказать, отстранен от грешной действительности. Это обстоятельство несколько успокаивает совесть человека. Потому что совесть у него все-таки есть. И рано или поздно, она даст о себе знать.

Человека зовут герцог Олбенский. В фильме Г. Козинцева «Король Лир» его играет Донатас Банионис. Именно с таким отношением к своему герою Банионис приступал к работе почти полтора года назад. Сейчас она близка к завершению: эпизоды с Олбени сняты, идет озвучивание.

В процессе работы всегда ощущаешь сопротивление материала, и далеко не всегда удается сказать то, что хотел, — рассказывает Банионис. — К тому же роль слишком небольшая и не может нести смысловую нагрузку, важную для фильма в целом. Одним словом, то, что было задумано мной, осталось, но будет ли выражено достаточно четко на экране — не знаю.

Итак, тема индивидуальной ответственности. Или еще, говоря современным языком, пагубность позиция невмешательства. Тема вечная и сегодняшнему миру далеко не безразличная.

Герцог Олбенский у Баниониса — двенадцатая роль в кино. В театре литовского города Паневежиса за долгие годы работы Банионис переиграл во многих пьесах — литовских, русских, западных. В классическом репертуаре и в современном. Первая роль — в пьесе литовского драматурга К. Баникса «Поросль» — была сыграна в 1941 году, когда дебютанту было семнадцать лет. Сегодня список театральных работ Баниониса насчитывает свыше 80 имен.

Как же соотносится образ герцога Олбенского и выраженная им тема — как ее понимает сам исполнитель — с другими работами этого актера в театре и кино? Насколько эта скромная по метражу роль в экранизации шекспировской трагедии характерна для всего творчества литовского актера? Есть ли в его обширном репертуаре нечто подобное — не в смысле сходства характеров, а близкое по мысли, по теме?

— Вилли Ломен из «Смерти коммивояжера», Мвиус из «Физиков» Дюрренматта, шолоховский Давыдов, Банко в «Макбетте», Бекман из пьесы западногерманского писателя Борхерта «Там, за дверью» — в сущности, почти все мои герои так или иначе связаны с этой темой, — рассказывает актер. — Но сама тема многообразна и всякий раз возникает в ином варианте, в ином повороте. Каждый человек живет своей индивидуальной жизнью. Но жизнь — одна для всех. И от столкновения жизни с индивидуальными судьбами возникают разные варианты этой темы. Разные характеры. Но все они — в защиту человека, в защиту человеческого. Против подавления человеческой личности. Вайткус в «Никто не хотел умирать» — тоже.

ПИТВА. Пошел второй послевоенный год, но земля еще не плодоносила. В лесах таились вооруженные банды... Сценарий и фильм В. Жалакявичюса населяют сложные характеры, написанные и сыгранные крупно, с ясным ощущением масштаба народной трагедии. Все они, включая Вайткуса, представляют собой национальные типы (и общечеловеческие, разумеется, тоже), у которых на традиционные черты характера наложилось все, что связано со специфической местной и временной.

Фильм с первых же кадров предельно драматичен. Смерть председателя Рыдания старой Локене над телом мужа распростертым посреди села. Гроб из некрашеных досок в кузове мчащегося грузовика. Четыре сына убитого председателя, поднявшиеся, чтобы восстановить в на смерть перепуганном селе закон и спокойствие... И все же персонаж, который появится на экране после этих сцен, окажется наиболее трагедийным. Вместе с ним в фильм войдет сложно решаемая тема утраченного и вновь обретенного человеческого доверия. Тема возрождения личности.

У Вайткуса, прошедшего год в лесной банде, глаза загноившего человека. Человека, который делает или делал не то, что считает правильным и необходимым. Человека, который попал

в сложную ситуацию, ситуацию, из которой нет выхода. Вайткус — характер скорее слабый, пассивный. «Я никого не убивал», — скажет он, не очень рассчитывая на то, что ему поверят. Но исполнитель на этой фразе текста особенно настаивает:

— Дело не в том, что он слабый. Вайткус по натуре своей человек не агрессивный. Жестокие обстоятельства поставили его перед необходимостью выбора. Байда Дожового заставила его взять в руки винтовку. Но убивать он не хотел. Не хотел потому, что был человеком. Человеческое в нем не умерло. И тогда — убили его.

Его убивают за председательским столом. Стреляют через окно несколько раз. После каждого выстрела тело Вайткуса вздрагивает и оседает, наливаясь всей тяжестью на стол. И кадры эти, простые в своей патетичности, повторяют композиционно и по смыслу смерть старого Локиса в начале фильма. Сын глухонемого сапожника Вайткус, силой обстоятельств оказавшийся за столом председателя сельсовета, выполнил свой долг до конца.

— Я всегда выступаю в защиту таких людей. Хочу показать, что насилие убивает добро в самом человеке, убивает в нем человеческое. Я стремлюсь своей игрой защитить людей, подобных Вайткусу, у которых запас человечности оказывается сильнее обстоятельств.

В СЛУЧАЕ с Вайткусом личная честность и чувство ответственности в конечном счете побеждают страх перед насилием. Человек остается человеком. Всегда, при любых обстоятельствах, остается человеком и Ладейников из «Мертвого сезона». Секрет его обаяния еще и в том, что исполнитель не стремится играть именно разведчика. Профессиональная принадлежность персонажа оказывается для актера наименее важной. Герой «Мертвого сезона» — личность, человек, побеждающий силой своей нравственной убежденности. На Вайткуса из «Никто не хотел умирать» он не походит вовсе.

— Да, Ладейников — это активный герой, — объясняет Банионис. — Он активно, решительно защищает свою позицию. Но тема здесь та же. Ладейников защищает человека и человеческое. Тема та же, просто вариант другой.

Ладейников — тоже не агрессивный человек. Он никого не убивает, и это для меня очень важно. Он делает свое дело в защиту человека. И средства, которыми он пользуется, — это тоже гуманные средства.

В ГДР мне задали вопрос: «А есть ли такой газ эр-эйч? Не выдумка ли это? Вы точно знаете, что такой газ действительно существует?» Я мог бы ответить, что фильм делался на документальной основе, и этим ограничиться. Но такой ответ был бы неполным. Дело ведь не в газе, а в людях. Я не химик и утверждать, что существует точно такой именно газ — не могу. Но думаю, что это как раз важно. А вот что есть люди вроде Хасса, готовые применить против человечества любое оружие, это я знаю точно. Для этого не надо быть специалистом. И уж это-то не выдумка. Люди такие есть. Вот против них-то — фильм Саввы Кулиша «Мертвый сезон» и моя актерская работа в нем. И тема, таким образом, у Ладейникова та же, что и у Вайткуса и у других моих героев.

Защитить человека от насилия. Чтобы он остался человеком. Индивидуальная ответственность каждого за судьбы и души многих — так можно определить эту тему. Она воплощается в моих работах по-разному. Ладейников — один из вариантов. А их могут быть миллионы.

Вариантов возможно множество. В

кино у Баниониса их было двенадцать. Последняя, тринадцатая по счету, работа — Гойя в картине совместного производства студий «Дефа» и «Ленфильм».

МАТЕРИАЛ на этот раз исторический. Иная эпоха, иная страна, иной характер общественных отношений и человеческих связей. Иные люди, иной быт. Может быть, и проблемы тоже другие? И нет ли опасности, что это будет просто костюмный, занимательный фильм, спекулирующий на фактах биографии великого художника?

— Этот вопрос мог бы возникнуть, — соглашается актер, — особенно, если вспомнить, что о Гойе уже был сделан фильм такого рода. Но после первого же разговора с Конрадом Вольфом всякие сомнения отпали. Я помню, что речь идет о глубоко современном материале. Есть такие явления, которые всегда современны. Таково и великое искусство Гойи. Кроме того, я знал роман Фейхтвангера, построенный на современных проблемах, и у меня не было мысли, что из такого материала может возникнуть костюмный фильм, даже самый достоверный, так сказать, голая информация об эпохе. У искусства другие задачи.

Другие задачи и у авторов фильма. В основе сценария — произведение Лиона Фейхтвангера, чьи исторические романы своей политической злободневностью и остротой проблематики мало отличаются от его книг, написанных на современном материале. Сценарий по роману Фейхтвангера написал болгарский кинодраматург Ангел Вагенштайн, постановку осуществляет Конрад Вольф — один из ведущих кинорежиссеров ГДР. Для каждого из них сложные коллизии нашего века — политические, нравственные, психологические — всегда были главным и единственным содержанием творчества, его основной пружиной.

КАРТИНЫ Конрада Вольфа — «Лисси», «Звезды», «Профессор Мамлок», «Мне было девятнадцать» — хорошо известны нашему зрителю и не оставляют сомнений в своей антифашистской и антивоенной направленности. Политический темперамент их автора поднимается в эти работы на уровень большого искусства. Если внимательно проанализировать фильмы К. Вольфа, то окажется, что их проблематика, взятая даже в самой общей, огрубленной форме, чрезвычайно близка к теме творчества Донатаса Баниониса: ответственность каждого за судьбы многих; трагедия позиции нейтралитета, приводящая к моральному краху; насилие, убивающее человеческие души; активная человечность против тупой, нерассуждающей силы.

— Вольф — серьезный художник. Его «Звезды» я считаю очень значительной картиной. Нравятся мне и «Профессор Мамлок» и «Мне было девятнадцать». Достичь взаимопонимания с режиссером, близким мне по теме и по отношению к искусству, не составило большого труда.

...Герои Донатаса Баниониса одеты в разные костюмы и принадлежат к разным эпохам. Выявляют разные типы человеческого характера. Но, объединенные общей темой, общим отношением к ним их создателя, несут зрителям мысль и чувства одинаково современные. В защиту человека и человеческого.

Евг. Аб